

«ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ» (1878/1881–1901) КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЯКОВ)

Лариса Михайловна Аржакова

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: larjak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8260-4101

Аннотация

Статья посвящена фундаментальному изданию «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1879/1881–1901), которое представляло собой первый и единственный для своего времени пример подробного и всестороннего описания России в научно-популярной форме, но со строгой опорой на научную литературу. Инициатором и первым издателем выступил М. О. Вольф, один из самых успешных книгоиздателей и книготорговцев России. В подготовке 19-томного выпуска принимали участие многие видные представители науки и культуры. Среди них, в частности, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, П. А. Кулиш, В. В. Чуйко и др. Главным редактором серии был П. П. Семенов (с 1906 г. — П. П. Семенов-Тянь-Шанский). Тома «Живописной России» состояли из посвященных всем регионам Российской империи очерков — в основном этнографического, географо-статистического характера. Специфика томов о Царстве Польском заключалась в том, что они в большей степени, чем другие тома издания, содержали исторические сведения. Особый интерес представляют очерки, где в центре внимания автора В. В. Чуйко были периоды польской истории до разделов Речи Посполитой, во время разделов и после них. Именно очерки по государственно-политической истории есть основания анализировать с точки зрения их места и роли в контексте российской исторической полонистики и польского вопроса, а также как способ конструирования имперской идентичности, которая должна была первенствовать над национальной идентичностью в новейшей истории Российской империи или заменить ее. Автор статьи приходит к выводу, что «Живописная Россия», и особенно польские исторические очерки, представляют собой благодатный материал, содержание которого целесообразно рассматривать в рамках распространенных (либо только появившихся) в империи технологий власти.

Ключевые слова

Царство Польское, национальная идентичность, полонистика, польский вопрос, Живописная Россия, М. О. Вольф, издательский проект, Российская империя, образ империи, имперская идентичность

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2021 г.

Цитирование: *Аржакова Л. М.* «Живописная Россия» (1878/1881–1901) как способ конструирования российской имперской идентичности (на примере поляков) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.02>

“PICTURESQUE RUSSIA” (1878/1881–1901) AS A METHOD OF CONSTRUCTING THE RUSSIAN IMPERIAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE POLES)

Larisa M. Arzhakova

D. Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: larjak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8260-4101

Abstract

The article is devoted to the landmark publication *Picturesque Russia. Our Fatherland* in its geographical, historical, tribal, economic and everyday significance (1879/1881–1901), which was the first and only example of its time of a detailed and comprehensive description of Russia in a popular scientific form, but with strict reliance on scientific literature. The initiator and first publisher was M. O. Wolf, one of the most successful book publishers and booksellers in Russia. Many prominent representatives of science and culture took part in the preparation of the 19-volume edition. Particularly significant amongst them were N. I. Kostomarov, I. E. Zabelin, D. I. Ilovaisky, P. A. Kulish, and V. V. Chuiko. The editor-in-chief of the publication was P. P. Semenov (from 1906, P. P. Semenov-Tyan-Shansky). Volumes of *Picturesque Russia* consisted of essays devoted to all regions of the Russian Empire and were mainly of an ethnographic, geographical, and statistical nature. The importance of the volumes about the Kingdom of Poland is that they contain historical information to a greater extent than other volumes of the publication. From the point of view of the stated topic, essays of particular interest are those of author V. V. Chuiko focusing on the periods of Polish history before, during, and after the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The essays on state and political history allows us to analyse, from the point of view of the authors, their place and role in the context of Russian historical Polonistics and the Polish question. In addition, the work was an attempt to construct imperial identity, which was supposed to supersede — or replace — national identity in the modern history of the Russian Empire. The author of the article comes to the conclusion that *Picturesque Russia*, especially the Polish historical essays, is fertile material, the content of which it is advisable to analyse from the point of view of widespread (or just emerging) technologies of power in the empire.

Keywords

The Kingdom of Poland, national identity, Polonistics, the Polish question, *Picturesque Russia*, M. O. Wolf, publishing project, Russian Empire, image of empire, imperial identity

Received 1 December 2021

How to cite: Arzhakova, L. M., 2021. “Zhivopisnaia Rossiia” (1878/1881–1901) kak sposob konstruirovaniia rossiiskoi imperskoi identichnosti (na primere poliakov) “*Picturesque Russia*” (1878/1881–1901) As a Method of Constructing the Russian Imperial Identity (On the Example of the Poles)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.02>

При всей своей известности монументальное, богато декорированное, одно из самых дорогостоящих в полиграфическом плане изданий, когда-либо предпринимавшихся в Российской империи, 19-томный труд «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1878/1881–1901) в современной отечественной историографии присутствует лишь фрагментарно, хотя в последние годы оно стало привлекать более пристальное внимание исследователей¹.

Правда, этот издательский проект, реализованный в «Типографии товарищества М. О. Вольфа», располагавшейся в комплексе зданий по 16-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге, дома № 5–7², и являвшейся в техническом плане едва ли не самой передовой для своего времени, порой квалифицируют как «популярное географическое сочинение»³.

Инициатор и вдохновитель «Живописной России» Маврикий Осипович Вольф (1825–1883)⁴, положивший шесть лет жизни на организацию сбора и последующей обработки всего, «что было писано о России, <...> что где-либо и когда-либо было занесено в альбом русским и иностранным ху-

¹ См., например: *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. С. 165, 170, 175–178, 180–181, 186–187, 196, 202–205, 303; *Она же.* Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. XIX век. М.: Индрик, 2016. С. 116–117, 384, 400, 408–409, 458, 661; *Горизонтов Л. Е.* Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям // *Славяноведение.* 2017. № 1. С. 62–72; *Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // *География искусства: расширение горизонтов. Сборник статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова.* М.: ГИТР, 2019. С. 337–355; *Ср. Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // *Уральский исторический вестник.* 2018. № 2 (59). С. 59–67.

² Список фабрик и заводов Российской империи. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 125.

³ *Мининкова Л. В.* «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и его читатель // *Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева.* Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 71–73; *Попов А. С., Попова Т. И.* Знакомство будущих педагогов с изданием «Живописная Россия» // *Преподаватель высшей школы: Традиции, проблемы, перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова.* Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 85–89.

⁴ См., например: *Головка С. И. М. О. Вольф: жизнь для книги и среди книг // Библиография и книговедение.* 2015. № 4. С. 104–111; *Кузьмина Н. Г.* Издательская деятельность М. О. Вольфа и «История книги в России» С. Ф. Либровича // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы VI Международного научного семинара / под ред. Д. Н. Бакун.* М.: Наука, 2016. С. 87–89; *Ромашина Е. Ю.* Извне и изнутри: европейские образцы на страницах российских азбук, букварей, книг для чтения второй половины XIX — начала XX вв. // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого.* 2018. № 2 (26). С. 127–141; *Гессен В. Ю.* Жизнь и деятельность петербургского книгопродавца и издателя М. О. Вольфа // *Клио.* 2021. № 10 (178). С. 108–117.

дожником»⁵, застал выход только первых трех томов. Судя по предисловию к первому тому (датировано октябрем 1880 г.), будущее своего проекта он воспринимал оптимистично, выражая надежду, что «“Живописная Россия” должна найти сочувствие в русских людях, которые оценят по достоинству то, что сделано нами для изучения России, а главное — поймут наше личное отношение к издаваемому нами труду»⁶.

Что касается цели, задач, программы масштабного проекта, о них Вольф сказал кратко, зато его соратники уделили этим сюжетам немало места в замыкавшем издание Заключительном очерке, содержащем историю «Живописной России» как первого опыта полного и всестороннего отчизноведения⁷.

О том, какое значение сам Вольф, уроженец Варшавы, придавал работе над «Живописной Россией», воспринимавшейся им и его единомышленниками как дорогое детище, «с которым мы <...> привыкли носиться и нянчиться, не жалея на него ни забот, ни трудов»⁸, в полной мере свидетельствуют его слова в предисловии.

Дав волю чувствам, Вольф признавался, что редакция и авторы издания были настолько увлечены, что «привыкли видеть в этом труде памятник, который думаем по себе оставить России»⁹. Так что, учитывая грандиозность исходного замысла Вольфа, трудно согласиться с характеристикой проекта лишь как «популярного географического сочинения». Кроме того, вряд ли можно делать акцент на особой популярности этой серии, которая пополнила категорию книг «для немногих»¹⁰, так как ее стоимость большинству желающих оказалась недоступной¹¹. Как недоступно простому смертному и репринтное издание «Живописной России» (2007), которое, как и оригинал (1881–1901), скорее, следует отнести к разряду «роскошных»¹².

⁵ Вольф М. От издателя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1881. Т. 1. Ч. 2. С. V–VI.

⁶ Там же. С. VII.

⁷ Заключительный очерк. История «Живописной России» // Живописная Россия... СПб.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1901. Т. 8. Ч. 2. С. 310.

⁸ Вольф М. От издателя... С. VII.

⁹ Там же.

¹⁰ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 424–453.

¹¹ Подробнее об этом: Заключительный очерк... // Живописная Россия... Т. 8. Ч. 2. С. 308.

¹² Рыжанок М. В. Переплеты коронационных альбомов XIX века Императорской России // Научные труды. 2015. № 32. С. 100–117; Головки С. И. Элитные издания: modern era // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 45. С. 98; Она же. «Роскошные» издания как феномен книжного наследия // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2015. № 6 (401). С. 77–87; Она же. Первое русское роскошное издание // Библиография и книговедение. 2020. № 3 (428). С. 144–151. По мнению И. Д. Сытина, роскошными должны быть издания, приуроченные к значимым в истории России датам, каким стали юбилейные издания по случаю 50-летия (1911) отмены крепостного права и

Нередкий в современном исследовательском восприятии «Живописной России» перевес географической составляющей, даже когда отмечается свойственное изданию взвешенное соотношение между историческим, этнографическим и географическим материалом¹³, может иметь следующее объяснение: «Живописная Россия» выходила под общей редакцией вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова (позднее П. П. Семенова-Тян-Шанского), подобно тому как другое фундаментальное издание рубежа XIX–XX вв. (оставшееся незавершенным) — «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» (1899–1914) — также готовилось под его патронатом. Вероятно, свою роль в восприятии «Живописной России» как географического свода сыграло и то, что непосредственный редактор «России...» В. П. Семенов в предисловии к изданию акцентировал успехи именно «всестороннего географического изучения» страны, обнаруживая при этом намерение «дать в одной, строго-научной, общедоступно изложенной и недорогой книжке <...> общие, по возможности широко представленные географические понятия о каждой части России»¹⁴.

Правда, такая формулировка, в которой автор объединяет строгую научность, простоту изложения и доступную цену издательского проекта, изначально вызывает сомнения в реалистичности замысла уже по причине противоречия каждого последующего элемента предыдущему. Зато можно предположить, что в определенной мере «Россия. Полное географическое описание...» была задумана в противовес «Живописной России», не совсем оправдавшей надежды создателей с точки зрения доступности и популярности в широкой читательской среде.

Однако судьба издания «Россия. Полное географическое описание...» сложилась не совсем гладко. Когда в 1899 г. вышел первый том «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье», посвященный памяти А. С. Пушкина (уроженца Москвы), В. П. Семенов, не сомневаясь, что начатое дело будет завершено, перечислил наименования всех 22 томов, которые должны были его составить. За истекшие с тех пор 15 лет (1899–1914) не было напечатано и половины запланированных книг. Не дошел черед в том числе до польских томов (по замыслу — тт. 11 и 12), где ожидалось «составление всестороннего географического описания» Литвы и Привислинского края¹⁵.

столетия Отечественной войны (1912). См.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. С. 94–97.

¹³ *Мининкова Л. В.* «Живописная Россия»... С. 72.

¹⁴ *Семенов В. П.* Предисловие ко всему изданию // *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова.* СПб.: Издание А. Ф. Девриена, Типография Императорской Академии наук, 1899. Т. 1. С. V, VI, VIII.

¹⁵ Там же. С. VI, VIII.

В скобках отмечу, что если авторы «Живописной России» польские земли под властью Петербурга четко именовали «Царство Польское», то создатели «России...» предпочли иное определение — «Привислинский край», тем самым с завидной легкостью решив проблему, которая подчас вызывает трудности у современных историков, — так Царство Польское или Привислинский край¹⁶?

Если учесть, что последний из томов «России...» вышел в 1914 г., становится ясно, что участь польских томов была предрешена настолько, насколько в начале Первой мировой войны изменилось положение земель бывшей Речи Посполитой в пределах Российской империи. В этом смысле судьба «Живописной России» сложилась удачнее: задуманный проект, как известно, в 1901 г. был завершен.

Что касается изучения уникального коллективного труда, каким является «Живописная Россия», то этот процесс, как уже было отмечено, протекает с переменным успехом. Вот лишь один пример. Для того чтобы передать своеобразие «Живописной России», И. Е. Баренбауму и И. А. Шомраковой хватило пяти строк¹⁷, да и то в контексте характеристики деятельности такого энтузиаста и мастера издательского искусства, каким был вдохновитель проекта М. О. Вольф. Впрочем, по-своему это справедливо: все-таки своим появлением и долгой жизнью «Живописная Россия» была обязана Вольфу, высочайшую оценку культурной миссии которого дал в свое время Н. С. Лесков, мимоходом обронивший ставшую крылатой фразу: «Маврикий Единственный — царь русской книги, его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы»¹⁸.

Именно так: «Маврикий Единственный», а не «Маврикий — единственный царь», как нередко можно встретить в современной литературе. Этот приведенный С. Ф. Либровичем вариант написания, скорее всего, более точно передает идею Лескова, желавшего подчеркнуть абсолютную неповторимость Вольфа и потому не допускавшего мысли, что после Маврикия Осиповича мог быть иной Маврикий, Второй или Третий...

Как нереально было в одиночку осуществить проект, подобный «Живописной России», так в тесных рамках статьи не удастся проследить заложенную в этом капитальном издании (пусть подспудно) технологию, направленную на укрепление пошатнувшихся позиций империи. Равным образом не удастся проанализировать весь неподъемный материал, даже при условии его бесспорной важности с точки зрения заявленной темы и необходимости определения степени эффективности того инструментария,

¹⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: НЛО, 2020. С. 125–170, 198–242, 490–537.

¹⁷ Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005. С. 150–151.

¹⁸ Цит. по: Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1916. С. 6.

какой привлекался властью в социально-культурном пространстве для сохранения или формирования облика империи. Преимущественно это обстоятельство обусловило избранное в статье ограничение только польским материалом, даже точнее — его сугубо исторической составляющей.

Вообще польские очерки «Живописной России» нельзя рассматривать вне контекста проблемы, не теряющей актуальности в интеллектуальной сфере¹⁹, а именно трактовки причин гибели Речи Посполитой и польского вопроса, который, вне зависимости от частоты употребления этого термина в литературе, не был вполне ясен современникам и во многом остается таковым в наше время.

Все это вместе взятое определяет комплекс разнородных задач при подходе к «Живописной России» как к многосложному и многоликому источнику (несмотря на декларируемую обращенность к широкому читателю), предлагавшему свое видение, свой образ империи. Перефразируя Р. Козеллека, можно сказать, что здесь мы имеем дело с превращенными в источник остатками, исследование которых предусматривает использование как понятий, «унаследованных от языка источника», так и научных категорий, «которые применяются к источнику, но отсутствуют в нем»²⁰.

Что касается историко-политической составляющей польских очерков «Живописной России», то они практически не становились предметом специального исследования. Отрадное исключение составляют наблюдения М. В. Лескинен, которая, не ограничиваясь интересовавшими ее сюжетами этнографическо-географического свойства, предприняла плодотворную попытку охарактеризовать собственно историческую часть польских очерков²¹.

С точки зрения заявленной темы заслуживает внимания статья Л. Е. Горизнтова, демонстрирующая панораму интеллектуальной полемики, вызванной белорусско-литовским томом «Живописной России». Подробно остановившись на критических откликах, среди которых первенство принадлежало М. О. Кояловичу и солидарному с ним Анониму (скрывавшемуся под псевдонимом Белорус), усмотревшим пропольскую направленность текста²², автор статьи не прошел мимо польских очерков. Опираясь на сви-

¹⁹ См., например: *Соловьев С. М. История падения Польши // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 16: Работы разных лет. С. 406–628; Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888; Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970; Cegielski T., Kądziała Ł. Rozbiory Polski: 1772–1793–1795. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990; Topolski J. Analizy dyskusji historiograficznej dotyczącej wyjaśnienia rozbiorów // Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008; Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002.*

²⁰ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–150.

²¹ Лескинен М. В. Поляки и финны... С. 178–181.

²² Горизнтова Л. Е. Дискуссия... С. 64.

детельства С. Ф. Либровича, соратника М. О. Вольфа и бессменного секретаря издания, Л. Е. Горизонтов коснулся обстоятельств, связанных с подготовкой томов, посвященных Царству Польскому, получив тем самым основание оспорить мнение своего люблинского коллеги Януша Дунина, утверждавшего, что «польские авторы не желали сотрудничать в издании, где Царство выступало провинцией империи Романовых»²³.

Не принимая ни ту, ни другую сторону, отмечу лишь очевидное отличие двух томов о Царстве Польском²⁴ от остальных томов «Живописной России», а именно присутствие в них очерков сугубо историко-политического характера²⁵. Причем именно эта историко-политическая составляющая очерков представляет особый интерес, и главным образом по двум причинам.

Во-первых, эта часть польских очерков позволяет определить их место и роль в общем немалом объеме отечественных научных (не будем забывать, что создатели «Живописной России» настаивали на «полном и строго-научном» содержании, на серьезности и самостоятельности вклада каждого из авторов²⁶) и научно-популярных полонистических сочинений. Во-вторых, издательский проект «Живописная Россия» в целом, но особенно его польские очерки (исторического, этнографического, географического характера — ввиду специфики изначального положения польского общества внутри империи) есть основание рассматривать как способ конструирования имперской идентичности, потребность в которой российское самодержавие особенно остро начинает ощущать в 1880–1890-е гг.²⁷

Особое положение исторической части польских очерков было обусловлено, прежде всего, тем обстоятельством, что в них повествовалось о прошлом и настоящем народа, лишенного сто лет назад своей государственной независимости.

То, что принципиально важно в подходе к польским очеркам «Живописной России», находим отчасти у М. В. Лескинен, которая, пусть по несколько иному поводу, пишет о невозможности адекватного понимания сущности Российской империи как полиэтничного государства без «вопроса о “русскости” и имперской идеи как национальной»²⁸.

²³ Горизонтов Л. Е. Дискуссия... С. 66.

²⁴ Живописная Россия... СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1896. Т. 4: Царство Польское: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская и Седлецкая губернии. Ч. 1-2.

²⁵ Киркор А. Очерк I. Первобытные времена // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 1-12; Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Там же. С. 13-82; Он же. Очерк III. Польша во время раздела // Там же. С. 83-124; Он же. Очерк IV. Польша после раздела // Там же. С. 125-132.

²⁶ Заключительный очерк. История «Живописной России» // Живописная Россия... Т. 8. Ч. 2. С. 292, 296.

²⁷ Гросул В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII-XIX веков // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 154-156.

²⁸ Лескинен М. В. Поляки и финны... С. 316.

Для развития этого тезиса, справедливость которого не вызывает особых возражений, польские очерки способны послужить наиболее подходящей основой. При этом ключевое значение имеют три исторических очерка, вышедшие из-под пера В. В. Чуйко²⁹, воспринимать которые вне сферы, охватывающей одновременно полонистические студии и весь объем польского вопроса, вряд ли возможно. Остановимся вкратце на содержательной насыщенности очерков.

Если при изложении первобытных времен, занявших в общем тексте исторических очерков сравнительно немного места, А. К. Киркор не рисковал войти в противоречие с русской точкой зрения и навлечь на себя нападки, то три очерка В. В. Чуйко (акцент предпочла бы сделать на втором и третьем) способны были спровоцировать полемику. Перед автором очерков «Польша до раздела», «Польша во время раздела», «Польша после раздела», насколько можно судить, стояла следующая задача: дав характеристику особенностям государственно-политического устройства Польши как некогда беспокойного западного соседа Руси / Русского государства, соперника Москвы / России, показать спокойное течение жизни польских земель под сенью скипетра Романовых.

Чтобы решить ее, Чуйко предстояло либо следовать по стопам именитых предшественников, либо выступать новатором в сфере, большим специалистом в которой сам он, по-видимому, не являлся. Также ему было нельзя игнорировать пожелание (если не сказать — совокупное требование) редактора и издателя-вдохновителя проекта: «не допускать в “Живописной России” никаких перепечаток или статей беллетристического содержания, и <...> вносить в состав издания только то, что имеет значение серьезного, самостоятельного вклада в сокровищницу сведений о России»³⁰.

Не имея значительного опыта самостоятельных исторических изысканий, подобно С. М. Соловьеву, Н. И. Костомарову и другим историкам, включенным в когорту признанных отечественных полонистов³¹, добиться этого Чуйко было совсем непросто, несмотря на его известность как успешного корреспондента столичных газет и автора солидных журналов.

Противоречие общеизвестным фактам и, соответственно, сложившейся историографической традиции проявилось сразу: в названиях очерков использовано единственное число — «раздел Польши», не разделы. Остается лишь гадать, чем руководствовалась компетентная редакция, утверждая эту версию названия очерков, тем более что далее, в самом тексте, Чуйко не раз

²⁹ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 13–82; *Он же*. Очерк III. Польша во время раздела // Там же. С. 83–124; *Он же*. Очерк IV. Польша после раздела // Там же. С. 125–132.

³⁰ Заключительный очерк... С. 296.

³¹ Аржакова Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

использует множественное число — разделы³². Но, в конце концов, это всего лишь словесные придирки...

Зато вполне в духе российской традиции и буквально вторя Н. М. Карамзину, который в своей «Истории государства Российского» нередко писал о сообщениях Яна Длугоша — «сказка новейшего Длугоша», «Длугош, по своему обыкновению, вымыслил»³³, «Кромер, Стриковский и другие повторили сказку Длугоша»³⁴, Чуйко также аттестует исходившие от польского историка сведения как «сказочные предания»³⁵. Вольно перелагая средневековые и позднейшие источники, автор то более, то менее подробно повествует об огромном периоде польской истории — от князя Мешко I до «немого» сейма 1717 г., когда «Польша потеряла <...> свою независимость и [когда] начинается так называемый период разделов»³⁶.

Если Чуйко считал «немой» сейм отправной точкой эпохи разделов, то, входя в известное противоречие с мнением большинства коллег-соотечественников, здесь он отступал от сложившейся традиции, что свидетельствует о том, что он либо достаточно глубоко понимал, либо интуитивно улавливал суть процессов, происходивших в Речи Посполитой, начиная со второй половины XVII в.

Впрочем, не так важны детали, которые отмечает или о которых умалчивает Чуйко, большее значение имеет тот ракурс, какой избирает автор при изложении польской истории. Чем ближе он подступал непосредственно к разделам, тем чаще приходил к мысли о «гниющем строе бывлой Речи Посполитой»³⁷, тем охотнее цитировал Н. М. Костомарова, живописавшего о «первобытных свойствах поляков», которым был «противен голос холодного, здравого рассудка»³⁸.

Так, под воздействием колоритного образа поляков, созданного Костомаровым-художником, Чуйко не заметил, что у польской пословицы «мудр поляк после беды»³⁹, которую воспроизвел автор монографии «Последние годы Речи Посполитой» в подтверждение того, что только «горький опыт, охлаждающий сердечные увлечения, заставляет их [поляков] увидеть истину», существует русский эквивалент — «русский задним умом крепок»...

Так или иначе, в польских очерках Чуйко не усмотреть особых притязаний на «самостоятельность вклада», на чем так настаивала редакция «Живописной России», но приходится учитывать, что излишняя самостоятельность мысли и отступление от традиции (как от буквы закона) вряд ли

³² Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 79, 96, 101, 124.

³³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. С. 548.

³⁴ Там же. С. 247, 299, 199.

³⁵ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 14.

³⁶ Там же. С. 79.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Там же. С. 80.

³⁹ Там же. С. 81.

приветствовались бы там, где дело касалось толкования польской истории. Сам того не подозревая, Чуйко во многом следовал заветам верного проводника русской политики в Царстве Польском Н. И. Павлищева, в свое время заявившего: «Польскую историю надобно создать, но создавая ее, писатель обязан <...> разрушать на каждом шагу старые здания, нагроможденные в течение нескольких сот лет руками разных почитателей польской были»⁴⁰.

Постижение польской истории убедило Чуйко в том, что спасением Польши могло стать «только перевоспитание народа, но такое перевоспитание, которое бы изменило с корнем весь народный характер, создало другого поляка: прежний уже никуда не годился»⁴¹. Эта идея, уязвимость которой внимательный автор, судя по всему, не ощущал, сделалась для Чуйко основополагающей. Под его легким пером свое логическое завершение получил образ польской шляхты, которая «в царствование Августа III дошла до последних пределов»⁴². В итоге автору оставалось лишь констатировать: «Получив польский престол благодаря Австрии и России, не будучи в состоянии удержаться на нем без их помощи, он [Август III] перешел окончательно, — а с ним и Польша, — под их зависимость»⁴³.

Что любопытно, в очерке «Польша во время раздела» сквозит едва ли не сочувствие к партии Чарторыжских, которые своими реформами, уверенно заявлял Чуйко, «заслужили благодарность отечества, потому что направили государство на путь внутреннего обновления», но в то же время «принуждены были считаться как с решениями России, так и с предрассудками шляхты»⁴⁴.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что такие доводы, как возвращение «древнего нашего достояния», или выражение сострадания «мятежным и несчастным жителям»⁴⁵ Речи Посполитой, которые «утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державой трех союзных государств»⁴⁶, были оставлены Чуйко в стороне. Он вполне отдавал себе отчет в том, что «Екатерина желала Польшу сохранить для России единой и нераздельной и с этой целью старалась подавить слишком значительные порывы анар-

⁴⁰ Рукописный отдел Института Русской литературы (РО ИРЛИ). Архив Н. И. и Л. Н. Павлищевых. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 4 об.

⁴¹ Чуйко В. Очерк II. Польша до раздела... // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 82.

⁴² Чуйко В. Очерк III. Польша во время раздела... // Там же. С. 85.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 89.

⁴⁵ О противопоставлении поляков русским («россиянам») у Н. М. Карамзина см.: Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / науч. ред. А. И. Миллер и др. М.: НЛО, 2012. Т. 2. С. 297.

⁴⁶ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 294.

хии»⁴⁷. Другими словами, такой рискованный тезис, нехарактерный для специальной литературы, был сформулирован в литературе научно-популярной, каковой, собственно, и задумывалась «Живописная Россия».

Что касается диссидентского вопроса как аргумента в пользу русско-го вмешательства в польские дела, то в изложении Чуйко, писавшего, что лишь «...вслед за тем Екатерина II подняла дело о не-католиках в Польше и требовала, чтобы им были возвращены политические права и свобода совести»⁴⁸, он выступал лишь как инструмент политической борьбы. В связи с этим можно сказать, что произошедшие за без малого столетие перемены были очевидны, ведь в начале века Н. М. Карамзин позволял себе с большой осторожностью (и не публично) выражать сомнение в легитимности разделов Польши⁴⁹.

Даже если нет особой уверенности в том, что, пусть самые слабые, но встречавшиеся в очерках В. В. Чуйко отступления от традиционного толкования польской политики Екатерины II стали результатом умозаключений исключительно самого автора, надо отметить проявляющуюся здесь известную широту взглядов. Обращает на себя внимание и доступный, по-своему увлекательный стиль изложения, разве что время от времени перенасыщенный датами и историческими персонажами, что могло отвлечь от дальнейшего чтения не самых взыскательных читателей, окажись у них в руках написанные Чуйко очерки. Нет сомнения, что польские очерки «Живописной России», где государственно-политическая история была органично дополнена рассказами о законодательстве и управлении, об экономическом развитии Польши, о быте польского народа и польском народном образовании, польской литературе, искусстве, музыке и театре⁵⁰, представляют собой благодатный материал для исследования многоликого образа империи. Но возникает вопрос: удалось ли Чуйко в должной мере осветить положение польских земель под властью империи Романовых, учитывая наличие специального очерка — «Польша после раздела»? Изложение в этом очерке событий только до решений Венского конгресса определяет единственно возможный вариант ответа: не удалось. Вообще в очерках В. В. Чуйко⁵¹, как и в очерках Е. В. Карновича⁵² и А. К. Киркора⁵³, русско-польские отношения

⁴⁷ Чуйко В. Очерк III. Польша во время раздела... // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 91.

⁴⁸ Там же. С. 92.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 437.

⁵⁰ Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 1. С. 133–500.

⁵¹ Включая его очерки из 2-й части польского тома: Чуйко В. Очерк XV. Варшава // Живописная Россия... Т. 4: Царство Польское... Ч. 2. С. 67–148; Он же. Очерк XVI. Города Царства Польского // Там же. С. 149–244.

⁵² Карнович Е. Очерк V. Законодательство и управление // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 133–164.

⁵³ Киркор А. К. Очерк IX. Черты минувшей жизни // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 1. С. 229–376.

как специальный сюжет отсутствуют, особого внимания восстаниям 1830 г. и 1863 г. не уделяется. Лишь глухие отголоски.

Мимоходом сказано о введении «взамен прежней конституции» Органического статута⁵⁴, о постройке в Варшаве цитадели⁵⁵, о деревушке Грохов, месте, замечательном, «тем, что здесь происходило несколько сражений», и в том числе «известное Гроховское сражение 1831 года, в воспоминание которого по повелению императора Николая здесь поставлен чугунный памятник»⁵⁶.

Надо, однако, признать, что иные образчики сочинений, отчасти близкие по жанровым особенностям историческим очеркам В. В. Чуйко, но заметно уступавшие им по масштабу и уровню исполнения, и вовсе не предлагали изложения польской истории в сопоставимом с «Живописной Россией» ключе. Так, в этнографических очерках «Народы России», где перечень типов «русских народов» насчитывает 45 наименований, а поляки замыкают лидирующую в списке четверку славянской семьи (после великорусов, малороссов и белорусов⁵⁷), в миниатюрной по объему главке, посвященной полякам⁵⁸, богатая по содержанию и эмоционально насыщенная польская история изложена на нескольких страницах⁵⁹.

Так или иначе, в контексте «Живописной России» едва ли не ключевая роль в ходе трансформации *национального* в *имперское* отводилась именно польской истории, польскому прошлому, стесненному красочным переплетом томов «роскошного» издания. Не в последнюю очередь преобразование национального в имперское должно было происходить за счет непосредственного включения польской истории в единую историю России. В такой трансформации есть основание усматривать посягательство / покушение на национальное прошлое как неотъемлемую часть национальной идентичности, впрочем, ожидавшей (по собственной воле или нет) преобразования в идентичность имперскую.

Собрав, систематизировав, переработав огромный разнородный материал культурно-исторического характера, авторы проекта получили в свое распоряжение набор инструментов, позволяющих конструировать имперскую идентичность, ориентированную на новоявленный образ / конструкт Российской империи. Однако при этом открытым остается вопрос соот-

⁵⁴ Карнович Е. Очерк V. Законодательство... С. 156, 161–162.

⁵⁵ Чуйко В. Очерк XV. Варшава... С. 72.

⁵⁶ Там же. С. 118.

⁵⁷ Народы России. Этнографические очерки. СПб.: Типография Т-ва Общественная польза, 1878. С. II; Народы России. Этнографические очерки. Живописный альбом. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1880. С. 2.

⁵⁸ Поляки // Народы России... С. 115–152. Ср.: Поляки // Народы России... Живописный альбом... С. 58–76.

⁵⁹ Поляки... Исторический очерк // Народы России... С. 147–152. Ср.: Поляки... Исторический очерк // Народы России. Живописный альбом... С. 73–76.

ношения прошлого, настоящего и будущего (как «трех фаз времени»⁶⁰) в созданном «Живописной Россией» образе империи. Вряд ли можно утверждать, что имперская идентичность, формировавшаяся при посредничестве «Живописной России» и поглощавшая национальную идентичность, оказалась достаточно устойчивой. Во всяком случае, известный нам ход событий позволяет отчасти усомниться в стабильности подобного конструкта, в абсолютной приверженности имперской идентичности как отдельных обитателей империи, так и регионов, поспешивших отказаться от идентичности национальной. Иначе говоря, трансформация национальной идентичности в имперскую часто оказывалась процессом сугубо внешним, даже поверхностным, не затрагивавшим тонкие струны глубинного национального чувства.

Создатели «Живописной России», видевшие цель своего проекта в том, чтобы «живым словом и рисунком <...> дать яркое изображение разнообразных картин природы нашего необъятного отечества, а равно — и типов, населяющих его разноплеменных народностей; описать их нравы, одежды, жилища; очертить их быт, промышленность, торговлю и <...> экономическое положение»⁶¹, были, скорее всего, далеки от стремления в буквальном смысле слова работать на идею империи, хотя, по сути, они как раз этим и занимались, акцентируя исходный патриотический (читай — имперский) посыл⁶².

Исходное стремление осветить всё перечисленное непременно «исторически» диктовало практическую задачу, а именно создание «картин жизни нашего отечества настоящей и прошлой»⁶³. Таким образом, польское прошлое также было отнесено к прошлой жизни «нашего отечества». Авторам, похоже, казалось вполне достаточным ограничиться напоминанием о том, что «Границы Царства Польского в том виде, в каком Польша вошла в состав России после наполеоновских войн, были окончательно определены Венским конгрессом 1815 года», а затем без каких-либо комментариев следовала констатация: «Царство Польское, определяемое этими границами, получило административное название Привислинского края»⁶⁴.

Это чем-то напоминает методику сербских учителей, предусматривавшую обучение детей «географии не только Старой Сербии, “но всех сербских земель, ради их воссоединения”»⁶⁵. Разница была в том, что если

⁶⁰ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛО, 2017. С. 60.

⁶¹ Заключительный очерк... С. 293.

⁶² Там же. С. 307.

⁶³ Там же. С. 298.

⁶⁴ Чуйко В. Очерк XIII. Географический очерк Польши // Живописная Россия... Т. 4. Ч. 2. С. 1.

⁶⁵ Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. С. 214–215.

сербы сохраняли полноту границ в исторической памяти, то «Живописная Россия» фиксировала нынешние пределы населенной разными народами империи, полагая, что тем самым обеспечивает их незыблемость.

Наблюдения над отдельными очерками «Живописной России» позволяют сделать ряд сугубо промежуточных выводов. Во всей своей полноте это издание должно было создавать у каждого «обитателя разноплеменной империи», — а не только «у каждого русского», как сами себя поправляли создатели проекта в Заключительном очерке⁶⁶, — впечатление (или хотя бы иллюзию) константности каждого региона за счет его включенности в общее имперское пространство. Отдавая себе отчет, что «Россия сегодняшняя не та же, что Россия вчерашняя, а Россия самого ближайшего будущего — будет уже не та, что Россия настоящего дня»⁶⁷, они чутко улавливали веяние «трех фаз времени».

Содержание польских очерков демонстрирует, что «Живописная Россия» — подобно роману, обладающему способностью «вместить поэзию и философию, не утратив своей идентичности»⁶⁸, — была призвана последовательно (и безраздельно) вобрать в себя специфику составляющих империю народов, включая, что следует подчеркнуть, их национальную историю, и это никак не грозило разрушить изнутри имперскую идентичность. Напротив, в уязвимом, подчиненном положении оказывалась скорее национальная идентичность, вторичная по отношению к имперской. На свой лад такую вторичность подтверждали популярные на рубеже столетий книги этнографического характера (как вариант — этнографическо-географического)⁶⁹, ориентированные на тех, кто «не может приобретать дорогих книг и не имеет досуга для чтения больших по объему сочинений»⁷⁰.

Неизбежно возникает вопрос, на который трудно дать определенный ответ: лишалась ли польская история, включенная в общий объем истории Российской империи, или, точнее, будто растворенная в общем потоке русской истории, права на независимое существование, как столетие назад лишилась государственности Речь Посполитая? Вне зависимости от варианта ответа можно предположить, что вхождение польской истории в контекст обширных сведений о разноплеменной Российской империи (дабы «снискивать расположение людей гордых, располагать к себе народонаселение,

⁶⁶ Заключительный очерк... С. 300.

⁶⁷ Там же. С. 310.

⁶⁸ Кундера М. Искусство романа. СПб.: Азбука, 2013. С. 97.

⁶⁹ Например: *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. СПб.: Типография Балашева и К°, 1897; *Луцькович Ф. Ф.* Поляки. М.: Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1898; *Терешкович Н.* Польша и поляки. М.: Труд и воля, 1906; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Поляки: Антропологический очерк. М.: Типолиотография А. В. Васильева, 1901.

⁷⁰ *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки... Б.п.

враждебное нам»⁷¹) должно было тем или иным образом отразиться на русско-польских отношениях.

Но есть ли основания ожидать от поглощения национальной истории (растворения в инородной среде) добрых последствий? С одной стороны, польские исторические очерки, являясь составной частью внушительного проекта, ориентированного на создание образа Российской империи для внутреннего и для внешнего употребления, свидетельствовали о постепенном превращении национальной идентичности в имперскую. С другой, они вносили посильный вклад в утверждение позиций империи внутри полиэтничного государства, играя немалую роль в русско-польском примирении, но — в русском его толковании.

Принимая во внимание своеобразие «Живописной России» как источника и одновременно исторического сочинения, следует отметить, что в основу дальнейшего изучения этого уникального историко-культурного свода, наверное, должен быть положен принцип: «Важно не Племя X <...>, но вопросы, обращенные к Племени X»⁷².

Литература

- Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // География искусства: расширение горизонтов. Сборник статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова. М.: ГИТР, 2019. С. 337–355.
- Абашев В. В.* Урал в монументальной геопанораме (очерк М. В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 59–67.
- Аржакова Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017.
- Баренбаум И. Е., Шомракова И. А.* Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005.
- Гессен В. Ю.* Жизнь и деятельность петербургского книгопродавца и издателя М. О. Вольфа // Клио. 2021. № 10 (178). С. 108–117.
- Гинзбург К.* Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021.
- Головкин С. И.* М. О. Вольф: жизнь для книги и среди книг // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 104–111.

⁷¹ Тайные наставления иезуитов // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии / подгот. и ред. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2010. С. 286.

⁷² *Гинзбург К.* Наши и их слова. Размышление о ремесле историка сегодня // *Гинзбург К.* Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 437.

- Головко С. И. Первое русское роскошное издание // Библиография и книговедение. 2020. № 3 (428). С. 144–151.
- Головко С. И. «Роскошные» издания как феномен книжного наследия // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2015. № 6 (401). С. 77–87.
- Головко С. И. Элитные издания: modern era // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 45. С. 94–100.
- Горизонтов Л. Е. Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям // Славяноведение. 2017. № 1. С. 62–72.
- Гросул В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 118–172.
- Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / науч. ред. А. И. Миллер и др. М.: НЛЮ, 2012. Т. 2. С. 292–339.
- Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3.
- Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002.
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
- Кузьмина Н. Г. Издательская деятельность М. О. Вольфа и «История книги в России» С. Ф. Либровича // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы VI Международного научного семинара / под ред. Д. Н. Бакун. М.: Наука, 2016. С. 87–89.
- Кундера М. Искусство романа. СПб.: Азбука, 2013.
- Лескинен М. В. Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. XIX век. М.: Индрик, 2016.
- Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010.
- Мининкова Л. В. «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и его читатель // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 71–73.
- Попов А. С., Попова Т. И. Знакомство будущих педагогов с изданием «Живописная Россия» // Преподаватель высшей школы: Традиции, проблемы, перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 85–89.
- Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: НЛЮ, 2020.

- Ромашина Е. Ю.* Извне и изнутри: европейские образцы на страницах российских азбук, букварей, книг для чтения второй половины XIX — начала XX вв. // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 127–141.
- Рыжанок М. В.* Переплеты коронационных альбомов XIX века Императорской России // Научные труды. 2015. № 32. С. 100–117.
- Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.
- Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002.
- Соловьев С. М.* История падения Польши // *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 16: Работы разных лет. С. 406–628.
- Cegielski T., Kądziela Ł.* Rozbiory Polski: 1772–1793–1795. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990.
- Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970.
- Topolski J.* Analizy dyskusji historiograficznej dotyczącej wyjaśnienia rozbiorów // *Topolski J.* Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008.

References

- Abashev, V. V., 2019. Ural v monumental'noi geopanorame (ocherk M. V. Malakhova v "Zhivopisnoi Rossii") [The Urals in a Monumental Geopanorama (An Essay by M. V. Malakhov in "Picturesque Russia")]. In: O. A. Lavrenova, ed., 2019. *Geografiia iskusstva: rasshirenie gorizontov* [The Geography of Art: The Widening of Horizons]. Moscow: GITR, pp. 337–355.
- Abashev, V. V., 2018. Ural v monumental'noi geopanorame (ocherk M. V. Malakhova v "Zhivopisnoi Rossii") [The Urals in a Monumental Geopanorama (An Essay by M. V. Malakhov in "Picturesque Russia")]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (59), pp. 59–67.
- Arzhakova, L. M., 2010. *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika i polskii vopros v XIX veke* [Russian Historical Polonistics and the Polish Question in the Nineteenth Century]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Assman, A., 2017. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the Link of Times Broken Up? The Rise and Fall of the Temporal Mode of Modern]. Moscow: NLO.
- Barenbaum, I. E., Shomrakova, I. A., 2005. *Vseobshchaia istoriia knigi* [General history of the book]. Saint Petersburg: Professiia.
- Cegielski, T., Kądziela, Ł., 1990. *Rozbiory Polski: 1772–1793–1795*. Warsaw: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne.
- Dolbilov, M. D., 2012. *Poliak v imperskom politicheskom leksikone* [A Pole in the Imperial Political Area]. In: A. I. Miller, et al., eds, 2012. "Poniatii o Rossii". K istoricheskoj semantike imperskogo perioda ["Notions about Russia". To the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow: NLO. Vol. II, pp. 292–339.

- Ezernik, B., 2017. *Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wild Europe. The Balkans through the Eyes of Western Travelers]. Moscow: Lingvistika.
- Gessen, V. Iu., 2021. Zhizn' i deiatel'nost' peterburgskogo knigoprodavtsa i izdatelia M. O. Vol'fa [The Life and Works of the St. Petersburg Bookseller and Publisher M. O. Wolf]. *Klio*, 10 (178), pp. 108–117.
- Ginzburg, K., 2021. *Dereviannye glaza. Desiat' statei o distantsii* [Wooden Eyes. Ten Articles about Distance]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Golovko, S. I., 2015. M. O. Vol'f: zhizn' dlia knigi i sredi knig [M. O. Wolf: Life for a Book and among Books]. *Bibliografiia i knigovedenie*, 4, pp. 104–111.
- Golovko, S. I., 2006. Elitnye izdaniia: modern era [Elite Editions: Modern Era]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 45, pp. 94–100.
- Golovko, S. I., 2020. Pervoe russkoe roskoshnoe izdanie [The First Russian Luxury Edition]. *Bibliografiia i knigovedenie*, 3 (428), pp. 144–151.
- Golovko, S. I., 2015. “Roskoshnye” izdaniia kak fenomen knizhnogo naslediiia [“Luxury” Publications As a Phenomenon of book heritage]. *Bibliografiia. Nauchnyi zhurnal po bibliografovedeniiu, knigovedeniiu i bibliotekovedeniiu*, 6 (401), pp. 77–87.
- Gorizontov, L. E., 2017. Diskussiia kontsa XIX veka o tome “Zhivopisnoi Rossii”, posviashchennom litovskim i belorusskim guberniiam [Discussion of the End of the Nineteenth Century about the Volume of “Picturesque Russia” Dedicated to the Lithuanian and Belarusian Provinces]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 62–72.
- Grosul, V. Ia., 2005. Vlast' i obshchestvennoe mnenie v Rossii XVIII–XIX vekov [Power and Public Opinion in Russia of the Eighteenth–Nineteenth Centuries]. In: A. N. Sakharov, ed., 2005. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii* [Studies of the Institute of Russian History]. Moscow: Nauka. Issue 5, pp. 118–172.
- Karamzin, N. M., 1991. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of Russian State]. Moscow: Nauka. Vol. II–III.
- Karamzin, N. M., 2002. *O drevnei i novoi Rossii. Izbrannaia proza i publitsistika* [On Ancient and Contemporary Russia. Selected Prose and Journalism]. Moscow: Zhizn' i mysl', pp. 284–332.
- Kozellek, R., 2016. “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniia” — dve istoricheskie kategorii [“The Space of Experience” and “the Horizon of Expectations” Are Two Historical Categories]. *Sotsiologiya vlasti*, 28 (2), pp. 149–173.
- Kundera, M., 2013. *Iskusstvo romana* [The Art of the Novel]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Kuz'mina, N. G., 2016. Izdatel'skaia deiatel'nost' M. O. Vol'fa i “Istoriia knigi v Rossii” S. F. Librovicha [Publishing Activity of M. O. Wolf and “The History of Books in Russia” by S. F. Librovich]. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury*. Moscow: Nauka, pp. 87–89.
- Leskinen, M. V., 2010. *Poliaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: “dru-goi” skvoz' prizmu identichnosti* [Poles and Finns in Russian Science of the Second Half of the Nineteenth Century: “The Other” through the Prism of Identity]. Moscow: Indrik.
- Leskinen, M. V., 2016. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. XIX vek* [Velikoross / Velikorus. From the History of the Construction of Ethnicity. Nineteenth Century]. Moscow: Indrik.

- Mininkova, L. V., 2019. “Zhivopisnaia Rossiia” kak populiarnoe geograficheskoe sochinenie epokhi moderna i ego chitatel’ [“Picturesque Russia” As a Popular Geographical Composition of the Modern Era and Its Reader]. In: A. N. Dulov, M. F. Rumiantseva, eds, 2019. *Aktual’nye problemy istochnikovedeniia: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 110-letiiu Vitebskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Vitebsk, 25–27 aprelia 2019 g.* [Actual Problems of Source Study: Proceedings of the V International Conference Devoted to the 110th Anniversary of the Vitebsk Archival Commission, Vitebsk, 25–27 of April 2019]. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova, pp. 71–73.
- Popov, A. S., Popova, T. I., 2019. Znakomstvo budushchikh pedagogov s izdaniem “Zhivopisnaia Rossiia” [Acquaintance of Future Teachers with the Publication “Picturesque Russia”]. In: L. N. Makarova, ed., 2019. *Prepodavatel’ vysshei shkoly: Traditsii, problemy, perspektivy: materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Professor of the Higher School: Traditions, Problems, Perspectives: Materials of the X All-Russian Internet-conference (with international participation)]. Tambov: Izdatel’skii dom “Derzhavinskii”, pp. 85–89.
- Rolf, M., 2020. *Pol’skie zemli pod vlast’iu Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi* [Polish Lands under the Rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War]. Moscow: NLO.
- Romashina, E. Iu., 2018. Izvne i iznutri: evropeiskie obraztsy na stranitsakh rossiiskikh azbuk, bukvarai, knig dlia chteniia vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [Outside and Inside: European Images on the Pages of Russian Alphabets, Abc Books, Books for Reading, the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2 (26), pp. 127–141.
- Ryzhanok, M. V., 2015. Pereplety koronatsionnykh al’bomov XIX veka Imperatorskoi Rossii [The Bindings of the Nineteenth Century’s Coronation Albums of the Imperial Russia]. *Nauchnye trudy*, 32, pp. 100–117.
- Serejski, M. H., 1970. *Europa a rozbiory Polski*. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Smirnov-Sokol’skii, N. P., 1960. *Rasskazy o knigakh* [Stories about Books]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty.
- Solov’ev, S. M., 1995. *Sochineniia. V 18 kn.* [Works. In 18 books.] Moscow: Mysl’. Book 16: *Raboty raznykh let* [Works of Different Years], pp. 406–628.
- Stegnii, P. V., 2002. *Razdely Pol’shi i diplomatiia Ekateriny II: 1772, 1793, 1795* [Partitions of Poland and Catherine II’s Diplomacy: 1772, 1793, 1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Topolski, J., 2008. *Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.